

ВЫСТУПЛЕНИЕ

МЭРА МОСКВЫ Ю.М. ЛУЖКОВА

на собрании преподавателей и студентов МГУ
11 октября 1995 года
(с сокращениями)

<...> Известны три фактора социально-экономического развития: производственный капитал, природные ресурсы и человеческий капитал. Для России третий фактор имеет уникальное значение, но внимания ему уделяется явно недостаточно. Принятая схема реформирования страны не требует высококвалифицированных специалистов, глубоких ученых, опытных инженеров. Накопленный за прошлые годы интеллектуальный потенциал не востребуется. В лучшем случае он становится предметом экспорта. Не буду затрагивать политические или социальные аспекты этой проблемы. Отмечу только, что такое состояние является важным информационным сигналом, свидетельствующим о больших и неоправданных потерях, сопровождающих сложившийся сценарий реформ.

Основные изменения у нас произошли в сфере розничной торговли. В этом, конечно, ничего плохого нет, но посмотрите, чем заняты продавцы на бесчисленных рынках и рыночках. Они ездят челноками в Турцию или другие страны, а потом сидят возле товаров, цены на которые недоступны большинству населения, и ждут покупателей. Что они производят в это время? Каков их вклад в валовой внутренний продукт (ВВП)? А разве мало людей у нас кормится на бесчестном посредничестве, даже сокращающем ВВП! А что производят бесчисленные охранные отряды, которые пожирают заметную долю ВВП, но не могут защитить предпринимателей? Думаю, каждый может привести много похожих примеров.

Мы различаем два вида посредничества. Принятое в развитых странах **честное посредничество** осуществляется ради выгоды хозяйствующих субъектов и по их свободному решению. Оно полезно, так как улучшает условия движения товаров и ус-

луг и снижает издержки обращения товаров. Другое - **бесчестное посредничество** - насильно навязывается внеэкономическим принуждением. Оно приносит колоссальный вред не только потому, что увеличивает издержки или ухудшает условия обмена. Оно криминализирует бизнес, блокирует свободную конкуренцию.

Большее транжирство человеческого потенциала, чем мы наблюдаем сейчас, трудно себе представить. А в это время происходит интенсивная деструкция нашей способности производить наукоемкую, конкурентоспособную продукцию, падает наша обороноспособность, ухудшается безопасность многих важнейших объектов и, прежде всего, атомных электростанций, деградирует среда обитания. Борьба с преступностью, в своей массе, осуществляется методами, применявшимися еще до 17-го года. Огромное количество документов составляется и обрабатывается вручную. Трудно исчерпать все примеры. Получается парадокс: огромное количество нужнейших для страны рабочих мест, требующих наукоемких технологий и высококвалифицированных кадров, не организовано, а сами эти высококвалифицированные кадры прозябают, бесполезно растрачивая свой потенциал.

Почему изменения у нас не происходят так, что не страдает никто, кроме трутней? Можно ли мириться с тем, что, по данным обследований 1995 года, у нас уже 62% населения имеют доходы ниже прожиточного минимума. Неужели все это балласт, который должен отмереть в результате естественного отбора? Категорически не согласен! Напомню, что в 1994 году было еще только 52% граждан, доходы которых были ниже прожиточного минимума. Думаю, что мириться с такой тенденцией, как, впрочем, и с прошлогодней цифрой, аморально и опасно, также как и с тем, что во многих российских городах рождаемость вдвое меньше смертности, а 25% россиян не имеет достойного жилья.

Совершенно очевидно, что нам нужно инициировать виды деятельности, которые могли бы, говоря образно, прокормить всех российских граждан не за счет обслуживания процесса продажи природных ресурсов, а за счет высокоэффективных наукоемких технологий, использующих уникальный образовательный потенциал нашего общества. Это должно заменить бесполезную, но требующую высокой квалификации прошлую

деятельность по массовому производству вооружений и развитию средств производства ради развития средств производства. Нужна «российская мечта» - замысел российского экономического чуда.

Формируя «российскую идею», нельзя уйти от четких и честных ответов на вопросы о «социальной справедливости», о «равенстве и братстве». Всего проще, в сиюминутном плане, создать легенду об обладании рецептом построения «всеобщего братства и рая на земле». Если, разумеется, не чувствовать себя обязанным реализовать свои обещания. Если же непредвзято осмыслить уроки истории, то мы увидим, что идея равенства на практике вместо равенства всех перед законом всегда превращается в экономическую уравниловку и демагогию, а потери от демобилизующей роли безусловной социальной поддержки всех без исключения так велики, что общий уровень благосостояния «равных» граждан оказывается ниже, чем уровень бедных в прагматически устроенных государствах. Попробую сформулировать ясно нашу философию социальной справедливости и распределения богатства.

Благосостояние каждой семьи должно определяться в соответствии с количеством и качеством труда ее членов и их не очень отдаленных предков. Уже в этой простой фразе мы отходим от нашей прежней философии: мы считаем благотворным, если семья накапливает какие-то ценности. Это, во-первых, меняет мотивацию экономического поведения в пользу долговременного процветания вместо сиюминутной выгоды. Это, во-вторых, укрепляет семью. Прав был Энгельс, утверждая, что семья держится на собственности. Правда, вывод из этого он сделал неправильный. Уже само понимание того, что семья держится на собственности, должно было бы изменить негативное отношение к частной собственности как к институту. И не ликвидировать частную собственность, а изменять правила владения ею, что сделало большинство теперь процветающих стран. Но об этом нужно говорить специально.

Важно подчеркнуть, что «количество и качество», т.е. мера труда и, соответственно, мера потребления, в той системе, к которой мы стремимся, устанавливаются не государством, а условиями свободной конкуренции. Если кто-то найдет способ произвести товар или услугу, которые покупатель ценит высоко, а поставщик производит даже без серьезных затрат и трудовых

усилий, мы больше не считаем этот доход «нетрудовым». Разумеется, если не нарушается свобода для каждого производить и продавать этот товар. В условиях свободы конкуренции происходит выравнивание нормы прибыли. Поэтому на самом деле в такой системе количество и качество труда и другие затраты измеряются намного точнее и справедливее, чем при государственном нормировании. Зато выгоды, которые можно получить в динамике, до стабилизации нормы прибыли в процессе конкуренции, являются идеальным стимулом для непрерывного поиска новых идей и перетока капиталов.

Принципиально то, что установление меры труда и меры потребления переходит от «объективных и справедливых» государственных начальников к «субъективному и случайному» свободному двустороннему договору производителя и продавца. Это требует драматической перестройки психологии общества: ведь в этих условиях обязательно возникнут и богатые, и бедные. Сравнительная практика успешно развивающихся и «социалистических» стран показала, что в этом нет ничего страшного. Если мы боремся с бедностью, уничтожая богатство, мы не много преуспеваем в насаждении равенства. Зато торпедируем большинство стимулов к высокопроизводительному труду и торпедируем частную инициативу.

В результате большинство общества оказывается в абсолютном смысле слова бедным. Это мы уже «проходили».

В здоровом обществе всегда есть процентов 10 бедных и примерно столько же богатых. Остальные - это средний класс, основная производительная сила общества, для которого бедные как стимул к интенсификации трудовых усилий, а богатые - как показатель возможностей. Важно только, чтобы богатство не могло возникнуть и существовать вне производства товаров и услуг и чтобы была достаточно развита система социальной поддержки тех, кто объективно не может включиться в производственный процесс. Важно также, чтобы каждый человек обладал при рождении разумно выровненными возможностями для развития своих способностей, позволяющими в рамках установленной меры получить по максимуму от общества в результате его активной или талантливой деятельности.

К сожалению, сейчас в России нет заметного изменения существа социальной политики. Мы как-то не замечаем, что при-

ватизация у нас коснулась только передела государственного имущества, но не создала среднего класса, не ликвидировала тотальной зависимости большинства граждан от того, насколько хорошо или насколько плохо работают чиновники и госучреждения. И это - одна из коренных причин бедственного положения граждан, потому что мы, к сожалению, не можем похвастать хорошей работой всей государственной системы.

Мы должны как можно скорее приватизировать большую часть расходов по воспроизводству рабочей силы. Сейчас почти все граждане получают на руки не более 20% себестоимости труда. Остальное сначала отнимается у них с помощью налогов, а потом возвращается им в виде дотаций на социальные и коммунальные услуги. До тех пор, пока это будет продолжаться, до тех пор реформы будут топтаться на месте. Говоря упрощенно, вместо того чтобы платить человеку 100 долларов в месяц и дотировать 300, нужно дать возможность заработать 500 долларов, но отказаться от дотаций. Ситуацию можно и нужно радикально изменить.

Пора отходить от лживой концепции «доброе» государства как донора социальных благ. Государство никогда ничего для нас бесплатно не делало. Просто оно брало в скрытом виде часть нашего ФУДа и часть нашей «природной» ренты, а потом нас же одаривало. Поскольку это делалось в скрытом виде, мы не раз слышали упреки в том, что государство слишком дешево продает нам хлеб, зато даже не имели возможности объективно оценить, хорошо или плохо распоряжается государство тем, что оно у нас отнимает. Именно этот недостаток породил коллапс нашей прошлой системы. Когда нет меры, не может быть эффективного управления.

Нужно, чтобы люди сами получили возможность явно оплачивать все, что они потребляют. Только на этой основе возможна замена эмоциональных методов на экономические.

Специально подчеркну: ничто из сказанного выше не может быть истолковано как аргументация в пользу благотворности сложившегося сейчас вопиющего, взрывоопасного расслоения общества.

Все наши усилия по реформированию нашего общества будут иметь успех только в том случае, если мы первостепенное внимание будем обращать на тех, кто сегодня не в состоянии продуктивно трудиться: пенсионеров, инвалидов, на тех, кто

нуждается в помощи (одиноким, многодетные семьи, дети и студенты). Если мы эту часть общества не сделаем спокойной и не создадим условий взаимного доверия между ними и обществом, - **успеха реформ не будет**. Ничего не получим!

Следует уделить внимание профессиональным работникам общественного сектора. Некоторые из них (например, военные, работники правоохранительных органов, специалисты по городскому хозяйству) были вынуждены приобрести знания и навыки, которые не могут быть использованы нигде, кроме как на государственной службе. Они не свободны на общероссийском рынке труда, значит, нужно создать для них достойные условия оплаты или безболезненной для бюджета их семей переквалификации.

Давайте подумаем, что нужно сделать, чтобы люди могли опираться на свои силы, чтобы были в состоянии прокормить себя сами. Естественной реакцией на крушение тоталитарного режима стала сильнейшая аллергия к существованию общественного сектора и к любому вмешательству государства в экономическую жизнь. Конечно, это не более чем «болезнь роста». Граждане всех успешно развивающихся государств мирятся с определенным государственным регулированием экономики и соглашаются через налоги, сообщая оплачивать некоторые услуги общественного сектора. Но какова разумная степень государственного вмешательства?

Как прагматик, убежден, что при поиске ответа нужно исходить не «из принципов», а «из выгоды». Развитием общества должны править польза, выгода. Личная польза, личная выгода! Это вроде бы уже почти общепринятый штамп. Но здесь возникает фундаментальнейшая научная проблема. Ее можно считать проблемой высшего приоритета, коренной проблемой. Все понимают, что естественное стремление индивидуума к выгоде, его прагматизм, его здоровый эгоизм должны быть поставлены в такие правовые рамки, которые способствуют прогрессу общества в целом. Но какими **конкретно** должны быть эти рамки в **конкретной** стране, как их лучше всего устроить и поддерживать?

Над поставленным выше вопросом бились и бьются многие ученые - экономисты и философы.

Над ним думали и Людвиг Эрхард, творец германского экономического чуда, и Фридрих фон Хайек, лауреат Нобелевской

премии. Не случайно Хайек посвятил этой проблеме одну из своих лучших книг - «Пагубная самонадеянность».

Действительно, здесь есть над чем задуматься. То, что человек всегда действует в собственных интересах - не вызывает сомнений. Но почему в некоторых странах здоровый эгоизм приводит к всеобщему процветанию, а в некоторых - к социально опасному расслоению общества, низкой эффективности и социальным взрывам?

В общем виде ответ найден. Все дело в той экономической, социальной, налоговой и правовой среде, в которую погружена экономическая свобода. Дело в общепризнаваемых и практически реализуемых ограничениях такой свободы. Эту среду Хайек называет «расширенным порядком», многие называют «правилами экономической игры». Все страны решают эту задачу по-своему, но не решив ее - бесполезно думать о социально-экономическом процветании.

Перед Россией сейчас стоит почти та же задача. Нужно создать новую систему экономических отношений, правила экономической игры, при которых свободные граждане, действуя в рамках законов в своих личных интересах, способствовали бы экономическому росту и устойчивому развитию российского государства и человечества в целом.

Несмотря на значительное количество работ, посвященных этой теме, найденные абстрактные рецепты не годятся для решения конкретных российских проблем. Бесполезно и опасно силой установить у себя такие правила игры, как у пчел, как у американцев, как у японцев. Правила экономической игры для нашей страны должны учитывать именно российские особенности и географии, и климата, и истории, и философии, и религии, и генофонда, и многие другие специфически российские факторы. Только так мы можем добиться процветания в условиях экономической свободы. Именно для России, именно для россиян.

Нам нужно дать научно обоснованный ответ на вопрос: в каких случаях выгодно поручать те или иные задачи общественному сектору, каких - частному. Крайности в ответе на этот вопрос очень опасны.

Более того, однозначный ответ, пригодный для всех случаев жизни и на все времена, вряд ли возможен. Оптимальное решение зависит от такого количества факторов, что точный ответ наверняка никогда не будет найден. Значит, нужно искать не

решение, а механизм непрерывной адаптации к конкретным условиям. Таким механизмом должна быть постоянная конкуренция частного и общественного по критерию максимальной полезности.

Конструирование пригодных для России конкурентных механизмов, стимулирующих непрерывное перетекание функций от общественного к частному сектору и обратно, с целью максимального роста общественного благосостояния должно стать одним из важнейших направлений деятельности университетских ученых-экономистов, психологов, социологов, математиков, управленцев. И тех, кто работает сейчас, и тех, кто сейчас только учится.

Эта проблема важна не только для нас. Сейчас, например, в США реализуется программа повышения эффективности государственных органов, возглавляемая вице-президентом Альбертом Гором. Программа называется National Performance Review (Национальный смотр успешности [работы органов власти]), или Reinventing Government (Переизобретение государства). В рекомендациях разработчиков, в частности, говорится, что вообще не столько важно, частный или общественный сектор исполняет ту или иную работу, сколько есть или нет конкурентные стимулы повышения эффективности.

Как мы знаем, повышение эффективности достигается не только за счет чисто экономической оптимизации принимаемых решений. Важное значение имеет возможность быстро принять решение в условиях неполной информации, пусть даже рискованное. Для частного сектора здесь нет серьезных проблем. Человек, принимающий решения, рискует своим и это гарантирует максимально возможную минимизацию риска. Иное дело, когда рискованные решения принимает государственный чиновник, который рискует **чужим**. Это вполне криминогенная или, в лучшем случае, расхолаживающая ситуация.

Для того, чтобы обезопасить общество, применяются специальные правила принятия решений государственными чиновниками. Даже если они и защищают общество от злоупотреблений и ошибок, - они настолько замедляют принятие решений, что эффективность государственного сектора сильно падает. Эта проблема особенно значима в странах с так называемой развитой демократией.

Недавно в США была опубликована прекрасная книга Филиппа Ховарда «Смерть здравого смысла» с подзаголовком

«Как законы удушают Америку». Там приводятся потрясающие факты, когда время принятия решений в общественном и частном секторе отличается в 300 и более раз. Над этой проблемой нужно глубоко задуматься.

Казалось бы, частник, рискуя своим, должен был бы долго думать и взвешивать варианты. Но он этого не делает и находит возможным рисковать. Потому, что излишнее время, затрачиваемое на принятие решений, - это потерянные доходы. <...>

Те, кто принял правильные, хотя и рискованные, решения - процветают. Те, кто, рискуя, серьезно ошибаются, говоря образно, прыгают со 101-го этажа, уступая место и богатство тем, кто ошибается реже. Правила, конечно, жесткие, но не найдено других способов обеспечить процветание. На этом выгадывает все общество.

В сфере общественных услуг полезность быстрых, но рискованных решений не меньшая, чем в частном бизнесе. Более того, в общественном секторе отсутствуют многие факторы риска, характерные для частного. Например: в общественном секторе значительно меньше опасность, что полезное дело провалится только из-за того, что не удастся сосредоточить на нем достаточно ресурсов. Однако разрешить государственному служащему принимать решения на тех же принципах, что и владельцу частного предприятия, опасно: можно много потерять из-за некомпетентности или вследствие коррупции. Слепленные этими страхами, мы опутываем лиц, принимающих решения в общественном секторе, огромным количеством процедурных правил. В результате мы, не спасая себя от ошибок, колоссально замедляем решение вопросов и бесполезно растрачиваем огромные общественные средства. Есть примеры, когда процедура обходится дороже выполнения работы, не считая упущенной за время принятия решения выгоды. Такое положение многих устраивает: создаются многочисленные рабочие места, которые можно занимать, вообще не производя ничего конкретного, материального. И за ошибки не нужно расплачиваться, если тобой скрупулезно соблюдена процедура. Но это, разумеется не может устроить тех, кто платит налоги из своих доходов.

Убежден, что описанная выше тупиковая ситуация определяется не столько природой общественного сектора, сколько шаблонностью подхода «к лечению болезни». Ситуация коренным

образом изменится, если мы будем уделять больше внимания конечным результатам, чем процедурам. Если будем больше доверять госслужащим, лучше поощрять их за успешную работу и строже судить за ошибки. В вышеупомянутой книге Ховарда напоминается пример высокоэффективной работы администрации президента США Рузвельта, когда принцип доверия в рамках согласованной стратегии и бескомпромиссной ответственности был реализован. В критических ситуациях только так можно добиться успеха. Недаром сложилась поговорка: «Победителей (*т.е. тех, кто обеспечил желаемый конечный результат*) не судят (*т.е. не осуждают за отклонения от предписанных процедур*)». Если ее не путать с пословицей: «Для достижения цели все средства хороши», она правильно отражает смысл действий в сложной обстановке. У нас сейчас именно такая обстановка, значит, нужно шире применять второй подход.

Разумеется, расширение прав государственных служащих принимать самостоятельные решения должно быть подкреплено рядом важных мер. Необходимы эффективная система подбора и подготовки кадров, система объективных критериев успешности работы, методы всестороннего контроля и ответственности. И конечно, продуктивным служащим нужно достойно платить. Все это нужно сделать применительно к российским условиям, и мы ждем от ученых соответствующих рекомендаций и предложений.

Вот видите, сколько пришлось сказать о человеческом капитале. Если мы хотим добиться процветания, - он должен начать работать и приносить доход. Пока, к сожалению, этого нет. Сегодня мы твердо надеемся, что понимаем коренные причины этого и отчетливо представляем себе главное, что нужно сделать. Изложу вкратце существо нашего подхода.

Корень всех наших бед в том, что под убаюкивающие разговоры о неизбежности экономических жертв населения, неизбежности этапа первоначального накопления, об устарелости почти вековых разговоров о социальной справедливости мы выпустили из бутылки «джинна», который не успокоится, пока не захватит всю власть в стране, пока не уничтожит 30% населения и не сделает нищими 85% остатка.

Я говорю о *паразитическом капитале*. Уточню это понятие. На наш взгляд, разумно различать два типа капитала. Первый тип капитала - это самовозрастающее богатство, работаю-

щее по классической схеме расширенного воспроизводства: «деньги - товар - деньги». Этот вид капитала мы называем производительным. Он существует давно, хорошо изучен, и люди после многих кризисов и неудач в совершенстве научились управлять его развитием так, что наряду с ростом капитала происходит рост общественного благосостояния. Производительный капитал в разумной налогово-правовой среде не может существовать без среднего класса, без производства товаров и услуг, без конкуренции. В этом секрет стабильности и процветания таких стран, как США, Германия, Япония, Швеция и т.п.

Второй тип капитала - это тоже самовозрастающее богатство, но работающее по иной схеме: «деньги - сырье - деньги». Крупномасштабно, как особое явление, такой процесс возник впервые в нашей стране, потому что только в нашей стране внезапно стало бесхозным колоссальное богатство - бывшее «общенародное достояние». Слово «сырье» здесь употреблено в самом широком смысле. В это понятие, для простоты изложения, включены не только нефть, газ, лес, никель, цветные металлы и т.п., но вообще все, что плохо лежит и что можно присвоить и прямо или косвенно продать. Лучше за границу. Этот капитал не может существовать, не присваивая чужое, поэтому он назван паразитическим. В это слово вкладывается не эмоциональный, а чисто биологический смысл. И еще: удовлетворения или большой пользы от паразитического капитала в нищей стране, где нет условий для продуктивного использования труда, получить нельзя. Поэтому неизбежен экспорт паразитического капитала.

Если какой-то человек стал богатым в ходе создания производительного капитала, его богатство является оправданным в глазах общества. Любой, кто хочет стать богаче его, имеет в руках «простое» средство. Достаточно произвести товары или услуги дешевле или лучше конкурента. Особой нужды в криминальных действиях нет, зато жизненно необходимы стабильность и законопослушание.

Совсем иначе обстоит дело, если человек стал богатым на основе паразитического капитала. У него нет другого основания для этого, кроме силы. Устранить такого человека - значит снова сделать капитал «свободным». А это значит, что никогда не кончатся кровавые попытки передела капитала. Это будут или разборки на уровне мафиозных кланов, или на уровне национально-территориальных образований. Стабильности не будет,

пока всей страной не овладеет один криминальный клан и не превратит ее в полицейское государство со всеми теми печальными последствиями, о которых я говорил. Но тогда в повестку дня встанут уже межгосударственные войны за жизненное пространство», вроде Второй мировой. Конечно, в историческом плане паразитический капитал сам является своим могильщиком. Но вся беда в том, что к своей смерти он может идти более семидесяти лет, а до того зальет и страну, и земной шар, и себя морем крови.

Паразитический капитал растет за счет деления национального богатства, а производительный - за счет умножения. До тех пор, пока мы будем делить, а не умножать, отнимать, а не прибавлять, мы не остановим падения экономики.

Все сказанное объясняет, почему мы так ополчаемся против паразитического капитала, почему мы говорим, что паразитическим капиталом движет недальновидная алчность, а производительным - здоровый эгоизм. Впрочем, справедливости ради следует подчеркнуть, что и паразитический, и производительный капитал приводится в действие биологически одинаковыми людьми. Недальновидная алчность превращается в здоровый эгоизм только благодаря налогово-правовой и социально-экономической среде, в которой проявляются естественные человеческие мотивации.

В этом месте мы принципиально расходимся с коммунистами, считая невозможным строить реальную экономическую политику с надеждой на выведение «человека нового типа». Мы считаем, что человек не может измениться в сопоставимое с динамикой экономических процессов время. Но мы считаем, что если человека «старого типа» поместить в среду, где он не может хорошо жить, не производя товаров и услуг, - он будет их производить и, служа себе, служить обществу. Напротив, если единственным способом улучшения благосостояния станет расхищение бывшего общенародного достояния, все искусственные преграды на этом пути будут сметены человеческим интересом.

Исходя из предыдущего, мы можем дать исчерпывающие ответы на поставленные в самом начале «коренные» вопросы.

Наше бывшее «общенародное достояние» никуда не исчезло, а почти целиком перешло в руки паразитического капитала, который не может им эффективно воспользоваться иначе, чем

экспортировав его большую часть за рубеж (прямо или косвенно), или переделать его в примитивную систему, дающую прямую выгоду (цех - в склад, заводоуправление - в набор офисных помещений и т.д.). Заметим, однако, что эти меры прямо или косвенно, развивают сбытовую сеть зарубежных производителей. Значит, и в этом случае происходит скрытый экспорт присвоенного имущества. Вот отсюда и наши богатые. А наши нищие появились оттого, что вместе с общенародным достоянием в руки паразитического капитала перешли и те доходы (рента) от него, которые в скрытом виде потреблялись всеми гражданами более или менее на равных правах. Разберем подробнее **судьбу ренты за пользование природными ресурсами.**

Напомню, что рента за пользование природными ресурсами, или, кратко, ресурсная рента возникает при продаже природного сырья. Цена сырья определяется спросом и предложением, а себестоимость - затратами на добычу, переработку и доставку потребителю. Ресурсная рента - это разница между рыночной ценой и себестоимостью. Она может принимать разные значения: быть большой, маленькой, равной нулю и даже отрицательной. Последнее бывает тогда, когда себестоимость добычи, переработки и доставки выше цены. Соответствующие месторождения разрабатываются только при наличии мощных социальных факторов. Вопрос ресурсной ренты неоднократно поднимался в печати, поэтому буду краток.

В России нет условий для повсеместного высокоэффективного сельскохозяйственного производства. Главное богатство России - это наша природа, наши полезные ископаемые (прежде всего - энергоресурсы) и мы сами. Про «нас самих» мы уже говорили. Теперь разбираемся с природными ресурсами. Подавляющее большинство месторождений сырья в России в настоящее время заведомо приносит ренту, т.к. цены на сырье приблизились к мировым, а себестоимость почти везде не выше, чем у конкурентов. Зададимся вопросом: кому она доставалась до реформ, кому достается сейчас и кому должна доставаться?

Собственником природных ресурсов, а следовательно и ресурсной ренты, является народ Российской Федерации. Как бы мы ни критиковали нашу прежнюю систему, ресурсная рента распределялась тогда более справедливо, чем сейчас. Мы имели, правда, в скрытом виде, уравнилельное распределение ренты. До реформы она в явном виде взималась только при прода-

же сырья за рубеж и в какой-то мере - при продаже товаров в личную собственность. Основная часть ренты в скрытом и явном виде консолидировалась в бюджете. Государство просто вынуждено было достаточно равномерно распределять эти доходы, чтобы поддержать авторитет КПСС и не допустить его уменьшения, или падения.

С экономической точки зрения, неявное потребление ресурсной ренты неразумно и приводит к расточительству. Поэтому у нас так широко применялись внеэкономические методы стимулирования экономии потребления ресурсов. Мы даже до конца не осознавали, насколько нелепы призывы «Экономьте электроэнергию!» или обязательства сэкономить 2% топлива к очередному съезду КПСС. Представьте себе, что какая-то японская фирма знает, как сэкономить 2% топлива, но ждет для этого, например, дня рождения императора. Сейчас, после того как внутренние цены на сырье и энергоносители практически достигли мирового уровня, российский народ уже выплачивает ресурсную ренту. Но не в бюджет, что было бы естественно и позволило бы значительно сократить загрузку других налоговых источников, а сбытовым организациям.

Именно сверхприбыли, остающиеся у сбытовых организаций сырьевого и, прежде всего, топливно-энергетического комплекса душат сейчас экономическое развитие страны, не дают использовать человеческий капитал. В других странах дело складывается по-иному. Во Франции, например, в каждом франке, который платится за бензин, 80 сантимов составляют доходы государственных бюджетов различных уровней. За 20% цены бензина сбытовые организации могут и заплатить ресурсную ренту нефтедобывающим странам, и оплатить крекинг, и транспорт, и сбытовую сеть. А у нас в сбытовых организациях оседает 45-60% розничной цены. Очевидно, в рамках таких правил российская экономика никогда не выйдет из состояния сырьевого придатка развитых стран. Экспортеры сырья, если отбросить эмоции, экономически заинтересованы в развале российского производства, сокращении внутреннего потребления и в стабилизации нижней границы обменного курса рубля. Имея такие сверхприбыли, они могут легко этого добиться.

Единственный вид ренты, который пока еще не постигла аналогичная участь, - это земельная рента, которую народ Российской Федерации не только пока не платит паразити-

ческому капиталу, но даже частично ее использует. Но и эта последняя опора социальной стабильности может скоро рухнуть.

Это страшные выводы, которые нужно немедленно глубинным образом анализировать и поправлять дело. Поправить - можно. Допускать продолжения этого процесса - нельзя, опасно.

Все понимают, что **ресурсную ренту нужно поставить на службу народам России.** Однако механизмы возврата этой ренты требуют тщательной и всесторонней научной проработки. Сложность задачи усугубляется тем, что **ни в коем случае нельзя скатиться к нашему традиционному подходу: «отнять и разделить».** Нам нужно **«сложить и умножить».** Нужно сделать так, чтобы, несмотря на уменьшение доли ренты, оседающей в сбытовых организациях, масса их прибыли не уменьшалась, а даже росла. Это вполне реально, если возрастет валовой внутренний продукт страны.

Главное, что нужно сделать для возврата ресурсной ренты, - добиться такого состояния, когда каждая тонна нефти, никеля, свинца, золота, урана, угля и других полезных ископаемых, каждый кубометр леса, воды, газа и все другое, что создано, говоря образно, Господом Богом и досталось народам России по Его промыслу, - было оплачено полной мерой в тот момент, когда изъято из природы. После этого добытое должно перейти в собственность того, кто за это заплатил. В этой ситуации заработок добывающих, перерабатывающих и сбытовых предприятий будет определяться тем, насколько эффективно они выполняют **свои** функции, а не тем, насколько успешно они присваивают ресурсную ренту. Это сильно оздоровит всю экономическую жизнь, сделает основным источником богатства производство товаров и услуг и более справедливо распределит налоговую нагрузку между гражданами.

Можно сказать еще о том, что борьба за возврат ренты касается не только сырьевых ресурсов. Почти все это можно сказать и о недвижимости. Всем известна борьба Правительства Москвы с принципами, которые реализовал господин Чубайс по приватизации государственной собственности. По существу, те принципы, которые были заложены, - порочны. Тогда это не было видно всем или, может быть, было безразлично всем. Что вмешаться, если не мое продается! Какая разница: было у одного, стало у другого. Но таким образом были заложены прин-

ципы передачи (даже не продажи!) государственной собственности паразитическому капиталу. Вся страна в 1994 году получила около 900 млрд. руб. от приватизации. Мы пошли по другому пути. Нашу городскую собственность мы приватизировали в небольших объемах и заработали в бюджет города 1,5 трлн. руб. Только Москва заработала от приватизации в полтора раза больше, чем вся Россия!

Малый доход от приватизации - это еще полбеда, если бы этот капитал (заводы, институты, другая недвижимость) попал в руки настоящих хозяев, тех, кому собственность нужна для производственных целей. Но даже в Москве, на виду у всего мира, многие объекты государственной собственности продавались с легкой руки Госкомимущества за смехотворные суммы.

Целый институт, где я начинал работать как молодой специалист, колоссальный институт, мощный, сильный, с хорошим прошлым и с хорошим потенциалом, продали за стоимость одного спектрофотометра. Зачем его после этого использовать как институт, этим новым хозяевам? Они постепенно, с приличным напором убирают оттуда людей, а здания используют как склады. Они в день получают стоимость спектрофотометра! В один день они возвращают все, что затратили на покупку этого института! Появляется эффект нецелевого использования бывшей государственной собственности, которая, хотим мы того или нет, прежними властями была очень толково сконструирована. Как система, как то, что обязательно должно быть в развитом государстве. И именно в государственной системе, для того, чтобы обеспечивать развитие, прогресс и приносить пользу людям.

Тысячекратно приводился пример по ЗИЛу. За четыре миллиона долларов ЗИЛ продали! Там один станок стоит 85 млн. долл. Спрашивается: может новый хозяин обеспечить ЗИЛ оборотными средствами, поддержать его потенциал в работоспособном состоянии? Не может! А самое главное - не хочет! Он купил его как бросовый товар. Но ведь ЗИЛ должен выпускать машины. Он должен получать деньги для того, чтобы поддерживать свое производство. Для того, чтобы в этой сложнейшей ситуации загрузить 70 тысяч рабочих и делать пользу для общества, производя товар.

Поэтому мы можем сказать, что получили от приватизации «ноль» в бюджет страны, которая просто страшно была больна нехваткой бюджетных средств на самые насущные нужды, на

социальные программы, на конверсию, на правоохранительные органы. На армию, наконец. Мы ее перевели в разряд нищенствующей системы. Как можно в этой ситуации просто так отказываться от колоссальной государственной собственности, которая в 1983 г. стоила на уровне одного триллиона рублей. Сейчас это уже 7-8 тысяч триллионов рублей, а мы в прошлом году получили девятьсот с чем-то миллиардов рублей за продажу основной части этой собственности! Вот почему это было названо преступлением. Нищенствующее государство, которое ищет каждый рубль в бюджете, отправляет куда угодно свою собственность, но не поправляет свои проблемы бюджетного обеспечения!

Легко подсчитать, что за счет утраты ренты москвичам недодается примерно 30% от полагающейся им заработной платы. Это москвичам, которые получают все-таки чуть побольше. Я думаю, что в других городах ситуация много хуже. Из-за этого мы вынуждены сохранять дотации на коммунальные услуги и приостанавливать уже объявленные программы приведения в порядок цен на коммунальные услуги. Из-за того, что обнищание народа, обнищание москвичей происходит темпами более высокими, чем мы ожидали. Мы не можем двигаться в направлении создания нормальной ценностной структуры коммунальных платежей и всех других городских услуг.

Ясно: если мы не вернем утраченную ренту народу или растранжирим земельную ренту, мы всегда будем вынуждены слишком много возлагать на государство и всегда будем испытывать трудности с оплатой услуг общественного сектора. Очень важный вопрос! Поэтому мы в Москве проявляем осмотрительность и не форсируем введение частной собственности на землю. В принципе, у нас нет аллергии на частное владение, но если городская община утратит эту ренту, т.е. продаст землю в частную собственность по бросовым ценам, сейчас неизвестно каким, и не будет в последующем получать налогов на эту проданную землю, то это будет опасно. До установления цивилизованных правил частного владения землей отдавать скрытую часть земельной ренты в руки частного сектора недопустимо, ибо очень опасно.